

Азаров В. Н. «Сменовеховское» движение и реалии советского общества 1920-х годов / В. Н. Азаров // Научный диалог. — 2018. — № 6. — С. 114—123. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-114-123.

Azarov, V. N. (2018). "Smenovekhovsky" Movement and Realities of Soviet Society of 1920-ies. *Nauchny dialog*, 6: 114-123. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-114-123. (In Russ.).

УДК 94(47).084.3/.5

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-114-123

«Сменовеховское» движение и реалии советского общества 1920-х годов

© Азаров Вячеслав Николаевич (2018), orcid.org/0000-0002-2598-7409, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения, Уральский гуманитарный институт, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), vnazarov.urfu@yandex.ru.

Рассматриваются вопросы, связанные с возникновением «сменовеховского» движения в среде российской эмиграции в начале 1920-х годов. Особое внимание уделяется анализу ключевого положения «сменовеховской» идеологии о неизбежном перерождении большевистского режима в условиях осуществления новой экономической политики (НЭП). Автор останавливается на причинах формирования «сменовеховских» представлений о будущем страны. Показано, что эти представления не соответствовали политическим и социально-экономическим реалиям советского общества 1920-х годов. Уделяется внимание оценке «сменовеховской» идеологии в свете политической борьбы в руководстве большевистской партии в рассматриваемый период. Поднимается вопрос о нравственном выборе российской интеллигенции в связи с поставленным «сменовеховцами» вопросом о необходимости сотрудничества с большевиками. Выполнен обзор переписки наиболее известного идеолога «сменовеховцев» Н. В. Устрялова с его личным другом Н. А. Цуриковым. Автор исходит из того, что данная переписка является одним из наиболее ярких примеров глубины и драматичности раскола среди российских эмигрантов в 1920-е годы. Сделан вывод о том, что иллюзорные и ошибочные представления о перспективах развития советского общества стали причиной трагической личной судьбы многих «сменовеховцев», вернувшихся на родину из эмиграции и ставших жертвами сталинских репрессий 1930-х годов.

Ключевые слова: «сменовеховцы»; Н. В. Устрялов; НЭП; большевистский режим; эмиграция; интеллигенция.

1. Введение

«Сменовеховское» движение, получившее свое название от сборника статей «Смена вех», опубликованного в Праге в июле 1921 года, можно назвать одним из самых противоречивых явлений в общественно-политической жизни Советской России и русского зарубежья в 1920-е годы. Сущность взглядов сторонников этого направления сводилась к тезису о том, что отказ от «военного коммунизма» и переход к новой экономической политике, осуществленный по инициативе высшего руководства РКП (б) весной 1921 года, знаменует собой «перерождение» большевистского режима, начало движения в сторону рыночной экономики и либерализации политической системы. В вопросе о характере и возможных результатах начавшихся в стране изменений единства среди «сменовеховцев» не было. Признанный лидер направления Н. В. Устрялов (бывший министр в правительстве А. В. Колчака) считал, что объективным итогом эволюции советской системы в условиях НЭПа станет капиталистическая экономика и «буржуазная» демократия. Так называемые левые «сменовеховцы» А. В. Бобрищев-Пушкин, Ю. В. Ключников, С. С. Лукьянов, С. С. Чахотин говорили, воскрешая романтические элементы эсеровской доктрины, об эволюции диктатуры пролетариата в сторону государства трудовой демократии [Федюкин, 1977, с. 117—118]. В представлениях «сменовеховцев» о перспективах развития страны большую роль играли национальные, патриотические мотивы. В отношении взглядов Н. В. Устрялова можно говорить о национализме и приверженности великодержавной идеологии. По мнению Н. В. Устрялова, одна из главных причин победы большевиков в гражданской войне заключалась в том, что они проявили себя как национальная сила, сумевшая сплотить Россию (в отличие от белого движения, слишком тесно связанного со странами Антанты), а в будущем большевики вполне способны восстановить Российскую империю в границах, существовавших до 1917 года [Аврус, 2001, с. 211]. Как бы то ни было, при всех нюансах в оценках социально-экономического и политического развития Советской России в начале 1920-х годов, ведущих идеологов «сменовеховцев» объединял общий вывод о необходимости для российской интеллигенции сотрудничества с большевистским режимом в интересах восстановления страны.

2. Отношение к «сменовеховству» большевистских властей и российской эмиграции

Политические и идеологические аргументы «сменовеховцев» вызвали широкий общественный резонанс и были подвергнуты жесткой критике

как руководством большевистской партии, так и многими видными представителями российской эмиграции. В Советской России стало правилом хорошего тона посвящать значительную часть выступлений на партийных съездах и конференциях опровержению основных аргументов «сменовеховцев» (одним из первых это сделал В. И. Ленин в политическом отчете ЦК XI съезду РКП (б) в 1922 году), доказывать несостоятельность их надежд на «перерождение» большевистского режима в условиях НЭПа, говорить о неизбежности курса на социалистическое строительство и т. д. Тем не менее отношение советских руководителей к «сменовеховскому» движению было довольно противоречивым. Идеологическая нетерпимость сочеталась с пониманием тех возможностей, которые давало возникновение «сменовеховства», для привлечения к восстановлению экономики квалифицированных специалистов, несогласных с официальной идеологией [Федюкин, 1977, с. 290—291]. При этом, конечно, «старая» интеллигенция по-прежнему воспринималась как социально-чуждый элемент, отношение к ней было чисто утилитарным, а ее участие в общественной жизни не мыслилось властями вне рамок жесткого политического и идеологического контроля.

Взгляды Н. В. Устрялова и его сторонников вызвали резкое неприятие у большинства российских ученых-обществоведов, насильственно высланных из страны в 1922 году. В работах Н. А. Бердяева, Б. Д. Бруцкуса, П. А. Сорокина, П. Б. Струве обращалось внимание на шаткость теоретических построений «сменовеховцев», отсутствие реальных признаков либерализации политической жизни страны в условиях НЭПа, ограниченность и противоречивость экономических реформ. Указывалось также на безнравственность призывов к сотрудничеству с большевиками, несущих, по мнению противников «сменовеховцев», главную ответственность за трагические события 1917—1922 годов. Тем не менее возникновение идеологии «сменовеховства» вызвало раскол среди российской эмиграции. Тысячи людей вернулись на родину, поверив в глубину и серьезность перемен в стране в условиях НЭПа. Скорее всего, дело здесь было не в силе аргументов авторов сборника «Смена вех». В конце концов, им противостояли ученые и общественные деятели с мировыми именами, чей авторитет и известность были несопоставимы с политическим влиянием Н. В. Устрялова и его сторонников. Причина заключалась в том, что «сменовеховская» идеология выразила мысли и настроения многих противников большевистской революции, оказавшихся в эмиграции и испытывавших горечь от поражения в гражданской войне, неприятия их идей большинством народа, но при этом стремившихся служить своей стране

в любых условиях и обстоятельствах. Как известно, судьба этих людей оказалась трагичной. Большинство из них были уничтожены во время сталинского террора 1930-х годов. Эту же участь разделили и лидеры «сменовеховцев» — Н. В. Устрялов, А. В. Бобрищев-Пушкин, Ю. В. Ключников.

3. Идеология «сменовеховцев» в исторической ретроспективе

Если рассматривать взгляды «сменовеховцев» в исторической ретроспективе, с позиций сегодняшнего дня, то нетрудно показать наивность и необоснованность их основных аргументов, несостоятельность ключевого тезиса «сменовеховской» идеологии о неизбежном «перерождении» советской системы в условиях НЭПа. Однако нужно иметь в виду, что в конкретных условиях 1920-х годов сделать правильные выводы о ближайших и отдаленных перспективах развития страны было совсем не просто. Переход к НЭПу действительно сопровождался качественными изменениями в социально-экономическом развитии страны. Отказ от продразверстки означал восстановление самостоятельности крестьянских хозяйств и, вопреки желаниям большевистских руководителей, полномасштабных товарно-денежных отношений. Была осуществлена денационализация значительной части государственных предприятий в промышленности и торговле, тем самым снова восстанавливалась в правах частная собственность. Одновременно была проведена финансовая реформа, вводилась твердая валюта, обеспеченная золотым запасом; начался поиск экономических методов управления госсектором. В социальном плане эти преобразования отвечали интересам большинства населения страны, в первую очередь крестьянства, и, казалось, открывали реальные возможности для преодоления инерции насилия и нетерпимости, утвердившихся в общественно-политической жизни в годы гражданской войны. Более того, в середине 1920-х годов по инициативе Н. И. Бухарина и его сторонников произошло углубление экономических реформ, расширение рамок НЭПа. В публичном выступлении перед активом московской организации РКП (б) в апреле 1925 года Н. И. Бухарин сформулировал теоретические основы новых подходов к экономической политике. По его мнению, одной из главных социально-экономических проблем страны стало искусственное, вызванное идеологическими соображениями, сдерживание развития товарных крестьянских хозяйств. В своей речи Н. И. Бухарин выдвинул знаменитый лозунг «обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство», обращенный ко всем слоям крестьянства [Бухарин, 1925, с. 5]. Это выступление вызвало негодование со стороны партийных ортодоксов, хотя Н. И. Бухарин специально оговаривал, что не может быть и речи о каком-

то «кулацком уклоне», что необходима жесткая налоговая политика в отношении зажиточных крестьян с целью перераспределения доходов в интересах городского пролетариата и деревенской бедноты [Бухарин, 1925, с. 5—6]. В результате в экономической политике большевистской партии в середине 1920-х годов произошли серьезные изменения, для характеристики которых некоторые исследователи используют термин *неонэп*. В частности, отменялись законодательные ограничения на аренду земли и наем рабочей силы, устанавливались льготы для ремесленного и кустарного производства, прекращался административный нажим на «нэпманов» и зажиточных крестьян. Правда, как известно, такая политика проводилась очень непродолжительное время, быстро сменившись сначала привычными «военно-коммунистическими» методами давления на негосударственный сектор экономики, а затем и тотальным огосударствлением сельского хозяйства, промышленности и торговли.

Таким образом, можно сказать, что представители «сменовеховского» движения совершенно справедливо указывали на глубину и серьезность социально-экономических изменений в стране в условиях НЭПа. Но при этом они абсолютизировали отдельные стороны тогдашней российской действительности, преувеличивали значение осуществлявшихся экономических реформ. Не обращалось должного внимания на то обстоятельство, что, несмотря на все изменения рыночного характера, оставалась незыблемой государственная монополия на тяжелую промышленность, транспорт, банковское дело, внешнюю торговлю, государственная собственность на землю. И самое главное, что не было учтено «сменовеховцами», — это отсутствие политических реформ, адекватных социально-экономическим преобразованиям. На протяжении 1920-х годов сохраняла и ужесточалась монополия на власть большевистской партии, руководство которой считало НЭП временной политикой «переходного периода» и продолжением классовой борьбы новыми методами. Не произошло никаких изменений в репрессивном аппарате государства, продолжались преследования политических оппонентов большевиков, верующих, интеллигенции, усиливалась цензура, нарастала нетерпимость к «социально-чуждым» элементам в обществе.

4. «Сменовеховство» и внутрипартийная борьба в большевистской партии в 1920-е годы

Большое значение для понимания степени реальности возможных альтернатив развития советского общества в годы НЭПа, а следовательно, и для оценки идеологии «сменовеховства» имеет характер и содержа-

ние внутрипартийной борьбы в большевистской партии, развернувшейся в рассматриваемый период. Некоторые аспекты этой борьбы, связанные с дискредитацией и отстранением от власти в 1926—1927 годах внутрипартийной оппозиции, возглавляемой Л. Д. Троцким, Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым, выступавшей за ужесточение политики в отношении частного капитала, негосударственных форм хозяйствования, свидетельствовали, на первый взгляд, в поддержку основных аргументов «сменовеховцев». Однако такое впечатление оказалось иллюзорным. Во-первых, большинство современных исследователей довольно скептически оценивают экономические реформы 1920-х годов, указывая на то, что рыночные отношения существовали в рамках государственно-бюрократической системы власти и управления, а представления немногочисленных сторонников последовательного осуществления НЭПа в высшем руководстве РКП (б) не выходили за пределы идеологической доктрины большевизма. Характерны в этом отношении исследования М. М. Горинова, который, проанализировав предложения о расширении НЭПа, выдвигавшиеся в ходе внутрипартийных дискуссий 1920-х годов Л. Б. Красиным, Л. Д. Троцким, Н. И. Бухариным, Г. Я. Сокольниковым, сделал вывод о том, что эти предложения в силу указанных причин не могли стать основой для разработки «альтернативной модели экономического развития, в рамках которой могла бы окрепнуть, а впоследствии и победить, предпринимательно-рыночная тенденция в развитии НЭПа» [Горинов, 1994, с. 125]. Возможно, такая точка зрения является излишне категоричной и в любом случае дискуссионной, но важнее другое. Вопрос о возможных альтернативах развития советского общества в годы НЭПа является преимущественно теоретическим. Дело в том, что в ходе внутрипартийной борьбы 1923—1929 годов ни одна из оппозиционных групп в большевистской партии не имела реальных шансов на отстранение от власти сталинской фракции, объединившей наиболее реакционных представителей партийной и государственной бюрократии. И. В. Сталин и его сторонники поддержали некоторые предложения по расширению НЭПа в середине 1920-х годов исключительно из фракционных соображений борьбы за власть, считая более опасной для себя в данный момент т.н. «левую» оппозицию, возглавляемую Л. Д. Троцким. Впоследствии группа Н. И. Бухарина не смогла оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления сталинистам, отказавшимся от НЭПа сразу после окончательной победы над «левой» оппозицией. Рассуждения о том, могли или нет ведущие идеологи «сменовеховцев» правильно оценить характер и нюансы политической борьбы в руководстве большевистской партии, представляются риторическими упражнениями. Хотя, конечно,

у стороннего наблюдателя в 1925—1927 годах могло сложиться впечатление, что в Советской России происходит борьба между сторонниками и противниками продолжения НЭПа, закончившаяся поражением приверженцев твердых коммунистических взглядов. В любом случае реальное развитие советского общества и государства в 1920-е годы оказалось противоположным представлениям «сменовеховцев». Вместо эволюции советской системы в либеральном или демократическом направлении произошло окончательное утверждение тоталитарного режима, предопределившее трагическую судьбу российской интеллигенции, в том числе и той ее части, которая разделяла «сменовеховскую» идеологию.

5. «Сменовеховство» и раскол эмиграции.

Переписка Н. В. Устрялова и Н. А. Цурикова

Возникновение «сменовеховского» движения вызвало глубокий раскол в российской эмиграции. Противостояние между сторонниками сотрудничества с большевиками и их оппонентами, настаивавшими на продолжении бескомпромиссной борьбы с большевистским режимом, становилось на протяжении 1920-х годов всё более ожесточенным и непримиримым. Для многих видных деятелей эмиграции вопросы и разногласия, возникшие в результате публикации сборника «Смена вех», не только имели политическое или идеологическое значение, но и затрагивали проблему нравственного выбора. Зачастую это приводило к разрыву личных отношений между людьми, придерживавшихся в этом споре противоположных точек зрения. Драматизм, общественные и личностные коллизии противостояния в русском зарубежье можно проиллюстрировать на примере переписки самого известного идеолога «сменовеховцев» Н. В. Устрялова с видным эмигрантским публицистом кадетского направления Н. А. Цуриковым.

Данная переписка, датированная 1926—1927 годами, на наш взгляд, не является частным фактом отношений двух человек, а важна для понимания взглядов и мотивов действий сторонников и противников «сменовеховской» идеологии. Дело в том, что Н. А. Цуриков был одним из очень немногих людей, чье мнение было действительно важно для Н. В. Устрялова. На протяжении своей политической карьеры — и до революции 1917 года, и в эмиграции — Н. В. Устрялов привык находиться в меньшинстве, временами в полной изоляции. Очень показательным в этом отношении является следующее обстоятельство. Несмотря на то, что современные исследователи называют Н. В. Устрялова основателем и идейным лидером «сменовеховского» движения, в общественно-политических дискуссиях 1920-х

годов большинство «сменовеховцев» предпочитали дистанцироваться от него. Также и сам Устрялов неизменно подчеркивал полную самостоятельность и оригинальность своей позиции, называя своих литературных коллег по сборнику «Смена вех» «дурным окружением» [В Сталина ..., 2000, с. 139]. Поэтому он достаточно спокойно относился к осуждению его взглядов известными деятелями эмиграции, такими как П. Н. Милюков, П. Б. Струве, П. А. Сорокин, но вот резкость и непримиримость старого друга, с которым Устрялов был знаком со студенческих времен, произвели на него тяжелое впечатление. В ответ на предложение Устрялова возобновить отношения, прерванные гражданской войной и эмиграцией, Н. А. Цуриков ответил, что между ними больше не может быть ничего общего, так как «Вы думаете и пишете, что Сталину надо помогать и сочувствовать, я думаю, что в него надо стрелять» [В Сталина ..., 2000, с. 140]. Назвал позицию Устрялова безнравственной и недостойной и отослал обратно посланные ему письмо и основные литературные произведения Устрялова. Реакция Устрялова на нежелание Цурикова поддерживать с ним какие-либо отношения была довольно любопытной. Ответив взаимностью, то есть возвратив Цурикову его письмо, Устрялов тем не менее переписал это письмо и сохранил в личном архиве. И это несмотря на то, что письмо Н. А. Цурикова содержало крайне резкие, на грани грубости (с использованием выражений типа «проституирование слова», «сотрудничество с убийцами» и т. д.), оценки как личной деятельности Н. В. Устрялова, так и всего «сменовеховского» движения. Такой поступок Устрялова, несомненно, свидетельствует о большой ценности для него отношений со старым другом и болезненной реакции на их разрыв. Но, конечно, этот эпизод затронул только личные чувства Н. В. Устрялова и никак не повлиял на его взгляды и политическую деятельность.

6. Заключение

В полемике и разрыве личных отношений между Н. В. Устряловым и Н. А. Цуриковым отразились драматизм и противоречивость положения российской эмиграции в 1920-е годы. В условиях НЭПа взгляды «сменовеховцев», как уже отмечалось, не казались такими абсурдными, как они представляются с позиций сегодняшнего дня, а непримиримые противники большевизма, в свою очередь, не могли предложить практических мер по изменению положения в России. Возражая Цурикову, Устрялов довольно логично указывал, что нет смысла говорить о том, что «нужно стрелять ... не имея ни пистолета, ни понятия о прицеле» [В Сталина ..., 2000, с. 142]. Тем не менее дальнейшее развитие страны, репрессии 1930-х годов

показали, что бывают ситуации, когда какие-либо компромиссы невозможны, а иллюзии и необоснованные надежды губительны.

Литература

1. *Аврус А. И.* На пути к «Смене вех» / А. И. Аврус // Российская интеллигенция: критика исторического опыта : тезисы докладов Всероссийской конференции с международным участием, посвященной 80-летию сборника «Смена вех», 1—2 июня 2001 г. — Екатеринбург : Издательство УрГУ, 2001. — С. 211—212.
2. *Бухарин Н. И.* О новой экономической политике и наших задачах / Н. И. Бухарин // Большевик. — 1925. — № 9—10. — С. 3—15.
3. «В Сталина нужно стрелять» : переписка Н. В. Устрялова и Н. А. Цурикова 1926—27 гг. // Вопросы истории. — 2000. — № 2. — С. 136—143.
4. *Горинов М. М.* Альтернатива Г. Я. Сокольникова / М. М. Горинов // НЭП : приобретения и потери. — Москва : Наука, 1994. — С. 120—126.
5. *Федюкин С. А.* Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к НЭПу / С. А. Федюкин. — Москва : Наука, 1977. — 352 с.

“Smenovekhovtsy” Movement and Realities of Soviet Society of 1920-ies

© **Azarov Vyacheslav Nikolayevich (2018)**, orcid.org/0000-0002-2598-7409, PhD in History, associate professor, Department of Foreign Regional Studies, Ural Institute for Humanities, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia), vnazarov.urfu@yandex.ru.

The issues linked with the emergence of “smenovekhovtsy” movement among the Russian emigration in the early 1920-ies are considered. Special attention is paid to the analysis of the key position of “smenovekhovtsy” ideology about the inevitable re-birth of the Bolshevik regime in conditions of implementation of the new economic policy (NEP). The author dwells on the reasons for the formation of “smenovekhovtsy” ideas about the future of the country. It is shown that these views did not correspond to the political and socio-economic realities of Soviet society in the 1920-ies. Attention is paid to the evaluation of “smenovekhovtsy” ideology in the light of political struggle in the administration of the Bolshevik party in the period under review. The question of the moral choice of the Russian intelligentsia is raised in connection with the question of the need for cooperation with the Bolsheviks raised by “smenovekhovtsy”. A review of the correspondence of the most famous ideologist of “smenovekhovtsy” N. V. Ustryalov with his personal friend N. A. Tsurikov is made. The author proceeds from the fact that this correspondence is one of the most striking examples of the depth and dramatic split among Russian immigrants in the 1920-ies. It is concluded that the illusory and erroneous ideas about the prospects of development of Soviet society became the cause of the tragic personal fate for many of “smenovekhovtsy” who returned home from exile and became the victims of Stalinist repression of the 1930-ies.

Key words: “smenovekhovts”; N. V. Ustryalov; NEP; Bolshevik regime; emigration; the intelligentsia.

References

- Avrus, A. I. 2001. Na puti k «Smene vekh». In: *Rossiyskaya intelligentsiya: kritika istoricheskogo opyta*. Yekaterinburg: Izdatelstvo UrGU. 211—212. (In Russ.).
- Bukharin, N. I. 1925. O novoy ekonomicheskoy politike i nashikh zadachakh. *Bolshevik*, 9 (10): 3—15. (In Russ.).
- Fedyukin, S. A. 1977. *Borba s burzhuaznoy ideologiy v usloviyakh perekhoda k NEPu*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Gorinov, M. M. 1994. Alternativa G. Ya. Sokolnikova. In: *NEP: priobreteniya i poteri*. Moskva: Nauka. 120—126. (In Russ.).
- «V Stalina nuzhno strelyat»: perepiska N. V. Ustryalova i N. A. Tsurikova 1926—27 gg. 2000. *Voprosy istorii*, 2: 136—143. (In Russ.).